

После войны, когда освободили Шен, дом, который мы построили и в котором не успели пожить, занять. Непонятно каким образом. Дом был добротный, вот и решили «освободители», что хозяйка не вернется, а хозяин умер еще до войны, значит, можно спокойно дом обжить, что они немедля и сделали. Мы ринулись в Шен. Мы – это Ма, я и моя четырехлетняя малышка. После горячих разборок дом очередной раз освободили, и мы взялись за вахту – выстоять в доме все лето. Дом стоял на самой окраине Шена, в лесу, а так как Шен раскинулся в ущелье, то и вообще не был виден, тем более что между домом и деревней раскинулось старое кладбище, которое, уже новыми обелисками, маячило совсем рядом. Все было запущено, жители не вернулись в разбитые и разграбленные дома, из тысячи домов ожила от силы только сотня. На ступеньках и на стенах дома зияли следы от пуль и снарядов. В доме только печка и две железные кровати, которые мы поставили рядом, так, чтобы ребенок спал в середине. Сад за домом зарос и смешался с лесом. Мы потихоньку чистили его и даже посадили зеленую фасоль и какую-то зелень.

Ночь была лунной. Дитя спало, тихо посапывая во сне, а вот мы не могли уснуть. Непривычная, абсолютно глухая тишина давила так, что лопались перепонки, иногда ночь разрывал жутких хохот шакалов. Ма осторожно ворочалась, но кровать все равно ржavo стонала и скрипела. В первые дни, с непривычки, сон не шел, и мы засыпали только под утро. Иногда мы перекидывались фразами, что-то обсуждали, но Ма и так была неразговорчива, и я, давно привыкнув к этому, не донимала ее своими проблемами. Так мы и лежали обе, как два бревнышка, уставившись в темный потолок. Было часа два ночи, когда мы обе услышали шорох. Станный, непривычный звук исходил из сада. Мы не притихли, мы застыли, казалось, что сердце тоже остановилось, работал только слух. Вначале пришел звук тяжелой поступи, потом опять шорох. И пауза. Потом опять – поступь – пауза. Кто-то волочил по земле что-то тяжелое, очень тяжелое. Труп? Вокруг полно мародеров. Тащили все, что могло пригодиться в хозяйстве. А что могли тащить из сада, который давно лес? Шорох приближался к дому. Надо было что-то делать. Ма не шевелилась, она окаменела в кровати. Я шепотом сказала, что посмотрю в окно, но Ма не ответила. Стараясь не скрипеть, я сползла с кровати, зачем-то взяла в руки топор, который всегда на ночь ставила рядом, и на цыпочках подошла к окну. Шорох, уже явно различимый, тяжело чавкал за окном. Надо было выглянуть, но я никак не решалась. Что мы будем делать, как выкрутимся, вокруг ни души. Пересилив ужас, я осторожно отодвинула занавеску и стала вглядываться в сад.

– Ма, это дядюшкин осел. И он жрет нашу фасоль.

На ночь дядюшка привязал осла к дереву в глубине сада, потому что ослы любят свободу и в стойле не спят, мало того, могут уйти далеко, а там – волки. Но, видно, дерево оказалось деревцем, и осел сломал его, а так как был привязан, то тащил этот «труп» за собой. Ма ожила и бросилась защищать фасоль. А я, наверное, с тех пор решила не красить волосы, уже и не помню.